

Вырваться из жалкого состояния легко, наверно, даже нарочитым усилием. Я сорвусь с кресла, обегу стол, пошевелю головой и шеей, зажгу огонь в глазах, напрягу мышцы вокруг них. Буду противодействовать каждому чувству, бурно приветствовать А., если он сейчас явится, любезно терпеть Б. у себя в комнате, жадными глотками, несмотря на боль и тягость, впивать в себя все, что скажет В.

Но даже если это удастся, с каждой ошибкой-а они неизбежны – все это, и легкое, и трудное, будет стопориться, и мне придется вернуться по кругу назад.

Поэтому все же самое правильное – сносить все, быть незыблемым, как тяжелая масса, и, даже если чувствуешь, что тебя как бы ветром сдуло, не трепыхаться напрасно, глядеть на другого взглядом животного, не чувствовать раскаянья, короче, собственноручно подавить то, что еще в виде призрака осталось от жизни, то есть умножить в себе последний, совсем уже могильный покой и не признавать ничего, кроме него.

Характерный жест такого состояния – это движение проведенного над бровями мизинца.